

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

Виктор **АВИЛОВ:**

Всего клуб. — 2000. —
15 сент. — с. 7.

СТРИЧЬСЯ МНЕ ЗАПРЕЩЕНО ПРИКАЗОМ ПО ТЕАТРУ

— В стихах одного из ваших театральных героев, Франсуа Вийона, есть ироничные мысли о смерти. Вам это близко?

— Да. Но у меня это по-разному: иногда ты смерть презираешь — да пошла она! А другой раз, бывает, лежишь в кровати — вдруг так страшно становится!

— В голливудском фильме «Коматозники» люди сами провоцировали состояние клинической смерти, чтобы увидеть, что там, за чертой. Вы дважды там оказывались. Можете что-нибудь рассказать?

— Я нечаянно там оказывался. Но ничего не увидел. Да, два раза умирал. На гастролях в Германии язва образовалась на неудобном месте, вскрыла мне вену, и сердце качало кровь прямо в желудок. Когда уже нечего было качать, оно встало. Первый раз встало — врач заставил его работать простым ударом кулака. А второй раз, уже после операции, его запустили аппаратом электрическим.

— Вы вернетесь в свой репертуар и по-прежнему будете играть каждый день Мольера, Ланцелота, Гамлета?

— Куда мне теперь Гамлета! В принципе, мог бы, но это очень тяжелая роль. Там есть места, в которых мне просто дышать не хватит. Пусть меня сейчас на длинную дистанцию — я не пробегу три километра. Так же и в «Гамлете»: не вытяну. Может, попозже. Там, где брал горячность, попробую взять другим — мудростью актерской. Мой Гамлет будет просто немножко умней.

— В театральном вузе вы не учились. Но книжки-то специальные читали?

— Дали мне роль Мольера — серьезную, трагическую. Потом мне попала книжка Станиславского «Работа актера над собой». (Мы еще перефразировали в театре: «Работа актера под водой».) У него там глава «Сквозное действие». И вот читаю я, читаю — и меня осеняет: «А! Понял! То, как я в спектакле о Мольере играю уже пять лет, — это, оказывается, сквозное действие!» Потом читаю главу «Сверхзадача»: «Ах! А вот тут я, оказывается, вижу не что-нибудь, сверхзадачу!» Знаете, Станиславский, конечно, мудрейший человек, но эта книжка никакого практического значения не имеет.

— Большая разница между кино и театром?

— В кино тебе дают роль, ты только заучил ее, даже не въехал еще толком, — а тебя уже подталкивают: «В кадр!» И, грубо говоря, все ты делаешь плохо.

— Вы сами хотели снимать «Калигулу». Психологический фильм, не как у Тинто Брасса.

— У меня был расписан по кадрам сценарий, высчитан хронометраж. Рассчитывал нахрапом сделать. Это же такая глыба, такая громада! Но и дороговизна дикая! Таких денег не найдешь. Глупый я был, что взялся за «Калигулу». Сорок тысяч баксов израсходовал. Пленку всю закупил. И негатив, и позитив. В Крым съездил, нашел там прекрасные пещеры. Снял, на свою, правда, камеру, небольшой материальчик. Со мной была целая экспедиция: второй режиссер, художник-постановщик — он делал эскизы костюмов. Одесская киностудия уже стала заводить материалы для строительства павильона. Дерево, металл стоили двадцать баксов за кубометр. Завтра просыпашься: уже стоят тридцать, через неделю — сорок. А потом — резкое падение рубля. И человек, который начал меня спонсировать, отказался: «Витя, ты извини, я себя-то не могу вытянуть, не говоря уж о тебе... Ты уж мне хоть какие-нибудь деньги верни!» Я пленку обратно продал, вернул ему деньги.

— Правда, что Белякович не разрешает своим артистам сниматься?

— Это он сначала запрещал. А потом я снялся, за мной другие.

— В остальном Белякович также строг?

— Однажды, когда я обкромсал свои папы, по театру был издан приказ: «Авилова — не стричь!»

— Почему вы ездите общественным транспортом?

— У меня машин много было. Две «Волги», в последнее время «Мерседес». А сейчас ничего нету. Надоели они мне. Ни выпить, ничего. Выпил бутылку пива — едешь, дрожжишь... Вот поработать на МАЗ с прицепом я бы пошел.

— Какие у вас отношения с поклонниками?

— Есть некоторые актеры — они поклонники сразу отшивают, прямо-таки зло. Я никогда к девчонкам так не относился. Они даже ко мне в больницу приезжали. Не знаю, может, это

для них вообще обидное слово — «поклонники». Да, многие девчонки меня любят как актера. Очень многие.

— Вы влюбчивый человек?

— Был. (Мгновенно сменив голос на хриплый бас.) Но сейчас уже возраст...

— Перерывы в актерстве необходимы?

— Смотря кому. Кто какие роли играет. У меня были тяжелейшие роли. Честно говоря, я за свои почти двадцать пять лет работы в театре устал. Я не знаю актера, у которого еще был бы такой тяжелый репертуар.

— Но о какой-нибудь роли все-таки мечтаете?

— Уже нет. А иногда бывают моменты, когда вообще уже ни о чем не мечтаешь. Разве что — на хорошую рыбалочку, под Астрахань... Ой, какая там рыбалочка!

— А вы рыбу сами готовите?

— А кто же. Уж не женщины, не дай Бог. Вы знаете, как я рыбу копчу? Меня волжские рыбаки научили. На дно оцинкованного бака для выварки белья сантиметровым слоем кладутся ольховые опилки, стружка. Рыбу вскрыл, кишки выбросил. Посолил. Никаких специй! И — на стружку доверху. Сверху, поскольку нужна герметичность, обматываю крышку сильно смоченным в воде полотенцем. Ставлю бак на два кирпича и развожу под ним хороший костер. Спустя двадцать минут достаешь из бака рыбу золотого цвета, из которой льется сок. А те опилки, которые под рыбой лежали, дымятся, тлеют. Открываешь — оттуда «у-у-у!» — пар вместе с дымом... Рыба получается просто сказочная. Когда покупаешь ее в магазине, она же остывшая, ее, может, перевозили дня три-четыре. А с пылу, с жару — ой! А еще я, знаете, о чем мечтаю? На год уехать в охотничий домик в тайгу, чтобы на сотню километров никого. С собакой, с хорошей лачечкой. Это же самые охотничьи собаки. В лесу ни с овчаркой, ни с ротвейлером делать нечего.

— Вы не только рыбак, но и охотник?

— Нет, но я бы жил один на берегу реки или озера, и нужна бы заставила — вот бы я тогда и охотился.

— А на кого?

— А на зайцев.

Встречалась
Алена МОРОЗОВА

У него был год передышки. Целый сезон поклонники Виктора Авилова не находили себе места. Кто-то думал — ушел в запой.

Но с алкоголем Авилов на «вы», зато курит, как паровоз. Позади болезнь.

В конце августа Авилов приступил к работе.

Доктор Кацель в «Петербургских тайнах», граф Монте-Кристо в «Узнике замка Иф», сын Миледи в картине «Двадцать лет спустя», Платон Андревич — «Господин оформитель», а в своем родном Театре на Юго-Западе Виктор Авилов сыграл около пятидесяти ролей: Гамлета, Ланцелота, Хлестакова, Мольера, Воланда...

— Я только сейчас обратила внимание, что у вас голубые глаза.

— А вы думали какие? Карие? Я же светленький. Пшеничный. В детстве был рыжий. Старшая дочь родилась с русыми волосами, а вот младшая тоже рыжая.

— Они не собираются идти по вашим стопам?

— Не знаю. Младшей, Оле, равнато об этом думать. А семнадцатилетняя Аня не собирается: она работает секретарем в фирме. Сейчас же какие времена настали? Людям нравятся, где бабки платят. Это раньше было: «Кем ты хочешь быть?» — «Космонавтом!» А сейчас, поди, переспросят: «Так, сколько им платят?»

— А вы мечтали стать космонавтом?

— Когда был совсем маленький — летчиком. А потом никем. В юности, в шестидесятые — семидесятые, собирались во дворе, пили портвейн, курили. Играли на гитаре, танцевали шейк, твист. Я, правда, не очень любил это дело — пить и танцевать.

— А что любил?

— Курить. Курю, выходит, сорок лет. В последнее время опять на «Беломор» потянуло. Я долго курил именно «Беломор». «Яву» с фильтром — это уже когда работал шофером. Очень хорошо зарабатывал на МАЗе с прицепом, на ЗИЛе ездил.

— И в театре уже играл, а все ездил?

— Работать в ночь я уезжал пораньше — часов в шесть вечера. Приезжал к театру, ставил машину. Играл спектакль. А потом уже ехал до утра работать.

— А спал когда?

— Днем. Часа четыре поспишь — и ладно.

— В роду у вас были артисты?

— Нет. Никого. До десятого колена точно.

— Вы сами пришли в театр-студию?

— Я бы туда сам ни за что не пошел. Меня притащил младший брат нашего режиссера Валерия Романовича Беляковича, Серега Белякович. Мы с ним в одном классе учились. Он с братом как-то всю ночь на кухне проболтал, и у него глаза загорелись: спектакли, гастроли... И давай артистов собирать! «Ну, кто у тебя может быть артистом?» Серега прикинул: «Авилич». — «А почему?» — «Он анекдоты классно рассказывает».

— Ну, например?

— Забросил старик невод — вытащил золотую рыбку. Она говорит: «Отпусти меня, старче, я тебе три желанья исполню» «Ну, ладно. Хочу, чтобы вместо моей халупы стояла хорошая вилла.» — бац, стоит вилла.

«Хочу, чтобы у меня был джип» — ему р-раз! — джип. «А третье желание...» — Думал, думал... Хочу, чтобы я был Герой Советского Союза!» Вдруг раздается громкий треск, вилла рушится на фиг, по джипу проезжает танк. А в руках у деда граната.

— Считается, что вы обладаете сильным гипнотическим воздействием на зрителя.

— Просто я люблю — по-хорошему — брать зал за глотку. В принципе, могу и «долбануть».

— Допустим, во время спектакля в зале кто-то громко чавкает...

— Было, было такое. В «Кабале святош» о жизни Мольера. И там начало сцены — будто обычные дела перед спектаклем: кто-то шутку отпустил, кто-то вполголоса просит грим. Затем воцаряется идеальная тишина. И только мои громовые шаги по ступенькам. Выхожу я и вижу, что в первом ряду какая-то баба, склонившись над своими авоськами, громко шуршит пакетами. Я подошел и жду, когда же это закончится. Мне уже пора позвать: «Мадлен!» Но я молчу. Баба продолжает шуршать, и весь зал уже смотрит только на нее. Она почувствовала, голову подняла. Я ей: «Ну, все? Можно начинать?» Она только кивнула, раскрыв рот.

— Говорят, вы собственной тетке сняли сердечный приступ. А еще?

— Девушку вылечил от экземы. Просто руками. Меня в свое время один театрал так надушил, что мне оде. Дар у меня есть. Я бы мог его чаще использовать для лечения людей. Но слышал, что это грех.

— А театром заниматься...

— А вот то, что театром заниматься — грех, это попы придумали. Уж во всяком случае, в Евангелии я ничего подобного не читал. Вообще после смерти Христа многие выступали от его имени.

— А театром заниматься...

— А вот то, что театром заниматься — грех, это попы придумали. Уж во всяком случае, в Евангелии я ничего подобного не читал. Вообще после смерти Христа многие выступали от его имени.

— А театром заниматься...

— А вот то, что театром заниматься — грех, это попы придумали. Уж во всяком случае, в Евангелии я ничего подобного не читал. Вообще после смерти Христа многие выступали от его имени.

— А театром заниматься...

— А вот то, что театром заниматься — грех, это попы придумали. Уж во всяком случае, в Евангелии я ничего подобного не читал. Вообще после смерти Христа многие выступали от его имени.